Сын Рима

— Ты был прав, когда решил сначала искать Аристотеля.

Я смотрел, как смерть в виде копья летит в моё сердце, копьё с тупым деревянным наконечником, которое больше подходило для театральной постановки, чем для боя. И всё же я мог видеть правила природы, что цеплялись за его наконечник, через призму своего Софического чувства.

Человек умирает от копья, вонзённого в сердце.

Я знал, как знал, что небо голубое, что его копьё из тупого дуба пронзит меня так же легко, как если бы оно было сделано из бронзы или железа. Оно убьёт меня там, где не справились кампании Гая и воющие волки.

Как будто я позволю такому случиться.

Тупое дерево не может пробить бронзовую пластину, объявил я голосом своей души, и риторика, прилипшая к тренировочному оружию, рассеялась как раз, когда Сократ ударил им мне в грудь. Древко треснуло в его руках, а наконечник копья смялась о мой нагрудник.

— Основы человека закладываются многими годами, и чтобы разрушить их после того, как они достроены, требуется вдвое больше усилий. Гораздо проще найти наставника, который знает эти основы, который строил их раньше – либо сам, либо через своих учеников.

Сократ атаковал меня своим сломанным копьём, с лёгкостью парируя удары бронзового копья, которое я украл из храма отца. Оракулы вокруг нас кричали и подбадривали, протягивая руки, чтобы толкнуть моего наставника или дёрнуть меня, когда мы проходили слишком близко к их треножникам. Я стиснул зубы глядя, как он наматывает очередное правило природы на сломанный наконечник копья и треснувшее древко, в мгновение ока чиня их.

— Любой человек может научить основам, если, конечно, он сам с ними знаком, — продолжал Овод без тени сомнения в голосе. — Но ты уже прошёл эту фазу. Ты утвердил свою добродетель, твои основы уже заложены, и теперь ты стоишь перед выбором.

Тупое дерево иногда может пробить бронзовые пластины, заявил Сократ и в одно мгновение, быстрее чем я мог моргнуть, обрушил на меня правду своего собственного опыта.

В тот короткий миг пневма Сократа, его риторика, столкнулась с моей и явила мне воспоминания.

Сломанные люди на земле, крики лошадей и призывы к отступлению. Подо мной лежит сын Елены, брат, восставший против брата из-за войны. Он отчаянно тянулся к короткому клинку на своём поясе. Я поднял древко моего сломанного копья и вогнал его в трещину в его нагруднике.

Я резко вдохнул и уклонился вправо, наблюдая, как тренировочное копьё пронзает место, где только что было моё сердце. Я знал, что если бы я всё ещё стоял там, то оно пробило бы мой нагрудник точно так же, как это произошло в его памяти. Выдохнув, я повернул бёдра и изо

всех сил ударил древком копья по его коленям. Он послушно перепрыгнул через него, и я схватил его в воздухе.

— Давай! — закричала Оракул Алебастровых Островов. — Повали его на землю!

— Целься ему между ног, мальчишка! — прохрипела Оракул Разбитого Прилива. — Это маленькая мишень, но она заставит его петь!

— Ты – проблемный случай, — продолжал Сократ, пока мы боролись. — Аристотель оставил тебя наполовину законченным, и легионы заполнили остальное. Почему, как ты думаешь, мы называем годы становления культиватора его основами? Какой цели служит такой образ? Варвары этого мира называют это бесчисленными другими именами – как это называли Римляне?

Заложение основ. Греки использовали эти слова для обозначения культивации Гражданина, культиватора первого царства. Как только культиватор поднимался в царство Философов, независимо от того сколько времени это заняло, его основы считались заложенными. В Риме, в легионах, нам была известна похожая концепция. Точка невозврата, когда человек становился тем, кем он будет до конца своих дней. Когда был нанесён первый удар.

И тогда, своими действиями, Гай дал этому событию название.

— Перейти Рубикон, — сказал я, и таинства Вавилонского осколка перевели это в другое слово, когда они попали в воздух. Понятие, которому меня научил Аристотель в далёком детстве. Первая философия. Метафизика.

Я зарычал, когда Сократ прижал мои ноги своими и просунул ладонь под мой подбородок. Используя всю мою силу, я перекатился вправо.

— И почему она так называется? — спросил он. — Что она символизирует?

Прежде чем я успел ответить, на нас обрушилась морская вода, волна появившаяся из ниоткуда, и, кашляя и отплёвываясь, я услышал гогот старухи Разбитого Прилива. Сократ зарычал от раздражения и, прежде чем я успел остановить его, он сорвал сандалию с моей ноги и изо всех сил швырнул её. Смех Доны превратился в возмущённый вопль, и камень разлетелся вдребезги.

— Продвигайся вперёд и обреки себя на бесконечное вознесение, — прохрипел я. Воспользовавшись отвлечением, что предоставила старуха, я врезался лбом в нос Сократа и вытащил свою руку из под его колена, вырываясь из захвата. — Когда Гай перешёл Рубикон вопреки сенату, он обрёк себя на вечность. Бесконечное расширение Рима, каким он его видел.

Я уйду с поста, когда враги Рима будут мертвы и забыты.

С момента зарождения республики, Диктатор возвышался неоспоримо как высочайшее царство, которого мог достичь культиватор. Для Гая, этого было недостаточно. И тогда он пошёл дальше и нашёл то, что лежало за его пределами.

Диктатор Вечный.

— Значит, заложить основы – это сделать первый шаг к строительству чего-то большего,

бесконечного в своих просторах, — сказал Сократ, ударяя словно молотом по моему правому боку, пока я не был вынужден отпустить его и начать защищаться. — Правильно ли это звучит?

— Да, — прорычал я, подставляя предплечье под его подбородок, когда он попытался опустить его вниз, и давя на него всем, что у меня было.

— И как это называет другая половина тебя? Что говорит Грек в тебе?

— Метафизика, — ответил я, напрягаясь, но Сократ был слишком силён. Он отшвырнул меня, и мы снова поднялись с копьями в руках. — Изучение абстракций. Созерцание вещей, которые нельзя непосредственно наблюдать.

— Первый принцип, — заключил Сократ и метнул в меня своё копьё, словно это был игрушечный дротик.

Дюжина шепчущих истин пронесла его по воздуху быстрее, чем любое копьё имеет право двигаться. Они цеплялись за его наконечник, его риторика напитала его пронзающими истинами. Оно было слишком быстрым, чтобы я мог уклониться, слишком быстрым, чтобы я мог разгадать каждую часть риторики окружавшей его, и слишком быстрым, чтобы я мог даже подумать о том, как противостоять им.

Что ещё мне оставалось делать, кроме как встретить его лицом к лицу?

Капитан ведёт с фронта.

Я сделал выпад вперёд и встретил его копьё своим – наконечник к наконечнику. Деревянное копьё взорвалось со свистом, осыпав двор покойного кириоса осколками дерева. Оракулы прикрылись своими мириадами тайн, некоторые хлопали, другие свистели в знак признательности. Я нахмурился и один раз крутанул небесное копьё, прежде чем ударить его прикладом о мозаичный пол.

— То, что ты называешь риторикой, – это клинок с более чем одним остриём, — сказал Сократ, разминая левое плечо и вышагивая по комнате. Я настороженно наблюдал за ним, но на данный момент казалось, что наш спарринг окончен. — Скажи мне, сколько форм ты заметил сегодня?

— Три.

Он покрутил запястьем, побуждая меня продолжать.

— Привлечение правил природы, — сказал я, созерцая жуткий укус копья, у которого не должно было быть шансов против прочного бронзового нагрудника. — Делая акцент на одном аспекте оружия, на одной сильной стороне, ты можешь обойти его слабости. — Эту мысль мне вдалбливали бесчисленное количество раз за последние несколько дней, и каждая итерация урока была мучительнее предыдущей. — Но этому можно противостоять. Можно указать на несоответствия, чтобы разрушить это.

— Это относится не только к оружию, мальчишка. Но да. Второе?

Я отступил на один шаг слишком далеко. Тонкие руки обвились вокруг моей шеи и сквозь волосы, прижимая мою спину к тёплому камню священного треножника. Длинные, толстые

ноги обхватили мою грудь, прижав меня к месту.

— Боже, Боже, посмотрите, кого я поймала, — шептала мне на ухо Оракул Алебастровых Островов. — Мой собственный варварский принц.

— Чара! — возмущённо воскликнула Селена.

Я откинул голову назад, глядя на святую женщину: «Я не принц».

— Нет, полагаю что нет, — проговорила она, проводя ногтями по моему скальпу достаточно осторожно, чтобы не прорезать кожу. — Ты – всё, что осталось, не так ли? Это делает тебя королём.

— Это делает меня ничем, — тихо сказал я ей. — Это делает меня никем. — Я использовал добродетель капитана против жутких глубин её влияния. Она чуть-чуть откинулась назад, её глаза плясали.

— Сосредоточьтесь, — сказал Сократ, внезапно оказавшись рядом с нами, и Чара зашипела, когда он приложил открытую ладонь к её лицу и спихнул её с её же священного треножника. Он продолжал расхаживать по комнате. Я отошёл от возмущённого Оракула на алую сторону октагоновой комнаты, где Селена с беспокойством наблюдала за мной.

— Ты в порядке, Солус? — спросила она, когда я оказался достаточно близко.

— Я в порядке. — Я поставил локоть на край её треножника и прислонил к нему большую часть своего веса. Это было долгое утро.

— Когда-нибудь сегодня, — позвал Сократ. Я покачал головой.

— Второй аспект риторики, — вспомнил я. — Убеждение через жизненный опыт. Даже если человек знает что-то, что говорит ему как эта вещь должна работать, ты можешь убедить его в обратном своими собственными воспоминаниями.

Тупое древко копья не могло пробить бронзовый нагрудник, как папирус, и я знал это. Но Сократ прожил свою собственную жизнь, он служил так же, как и я, – и скорее всего, дольше, – и он пережил одно из тех редких обстоятельств, при которых такое может случиться. Он сделал это сам и показал мне свою работу. Против этого было сложно возразить, хотя я мог бы, если бы у меня было время сделать это в разгар нашей схватки.

Но у меня не было времени. И в этом был смысл.

— Ты только что что-то понял, — заметил Сократ, хотя и не смотрел на меня. — Поделись с нами.

— Твоя риторика была ошибочной, — сказал я, нахмурившись. — Древка твоего копья хватило, чтобы пробить нагрудник, только потому, что за некоторое время до этого его уже пробило более сильное оружие. Ты ударил по слабому месту, а не по целому куску, как у меня.

— Вообще-то это сделал боевой конь, — поправил он меня. — Зверь растоптал его под ногами – чуть не раздробив ему грудь. Но да, ты верно подметил. Так почему же ты уклонился? Почему ты не парировал меня, как это было незадолго до этого?

— У меня не было времени, — ответил я, ища подходящие слова. — Когда ты вызывал только

одну истину за раз, рассказывая а не показывая, это было похоже на выпад, который я мог парировать. Но это... это была засада. Я должен был сначала распознать её, прежде чем я мог начать противостоять ей. Я должен был понять, что ты пытаешься донести до меня, найти изъян в твоих рассуждениях, и всё это до того, как я смогу попытаться противостоять этому. У меня не было времени.

— Хорошо, — сказал он, кивнув. — Риторика – это нечто большее, чем просто истина. У каждого человека истина имеет свой оттенок, и вы скоро это поймёте. Ложный аргумент использованный недобросовестно может быть сильнее правды, до тех пор пока он убедителен. Не самый праведный подход, но тот, к которому тебе придётся быть готовым.

— Третье, — пробормотал я. На одном из предыдущих уроков Сократ перечислил несколько слов с большим значением, объединённых в понятия. Среди них были "Цель", "Страсть" и "Принцип".

Капитан ведёт с фронта.

Сократ перестал вышагивать по комнате, разглядывая меня с другого конца двора. Оракулы, сидящие справа и слева от него, принадлежащие соответственно к Культам Воющего Ветра и Слепой Девы, с интересом наклонились вперёд.

— Объясни.

— Мы – люди принципа, — сказал я, произнося слова как молитву, как это делал Грифон в храме отца. — Каждый из нас хранит в своём сердце некий идеал, состояние души, к которому мы стремимся каждый день своей жизни. То, чего мы не можем достичь, будучи простыми Гражданами.

Сократ скрестил руки, мускулы на его предплечьях напряглись, пока он рассматривал меня: «Мы называем это "первым принципом", потому что это первая ценная мысль, которая возникает у человека в его жизни», — наконец сказал он.

Я обдумал это, обдумал слова. Идеал. Римский полководец, возглавляющий атаку на кричащие орды.

Да. Это звучало правильно.

— В стремлении к чему-то большему, чем ты сам, есть сила, — продолжил я, озвучивая слова столь же, сколь и говоря их. Но они звучали правильно. Они звучали через каналы, которые прожог во мне костный мозг Держателя-Поводьев, усиливая меня. Позволяя мне стоять прямо там, где несколько мгновений назад я был вынужден опираться на помост Селены. — И в том, чтобы приближаться к нему, тоже есть сила.

— А если ты живёшь вразрез с этим идеалом? — бросил мне вызов Сократ. — Если ты вернёшь в землю принцип, ради которого ты сбросил шёлковые узы смертности?

Все Оракулы ответили как один. Печальная эпитафия.

— Отклонение.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3532116